

УДК 821.133.1-31(091)

ОБРАЗ «ЧЕЛОВЕКА МОЛВЫ» В ПОЭТИКЕ РОМАНА АЛЕНА-ФУРНЬЕ «БОЛЬШОЙ МОЛЬН»

М. В. Дубинская

Петрозаводский государственный университет
Институт иностранных языков
кафедра немецкого и французского языков

Поэтика образа «человека молвы» в романе Алена-Фурнье «Большой Мольн» впервые рассматривается в её связи с поэтикой авторского метода отображения «духовной реальности». В статье показана связь поэтики образа человека молвы в романе Алена-Фурнье с приемами поэтики Достоевского, а также развитие французским писателем творческого опыта русского писателя.

Ключевые слова: реализм в высшем смысле, духовный реализм, полифоническая природа молвы, захватывающий интерес, таинственность, духовная реальность.

Поэтика образа «человека молвы» в творчестве Ф. М. Достоевского изучена достаточно хорошо. В работах В. П. Владимирцева тема молвы впервые и подробно рассмотрена в качестве фольклорного источника творчества писателя. В работах В. В. Иванова молва у Достоевского, с её многоголосой природой, изучена в контексте поэтики полифонического романа в границах «принципа тройственной полифонии» (термин Иванова) [9; 10]. В предыдущих статьях мы обосновали предположение о близости творческих методов Достоевского и Алена-Фурнье [5; 6; 7], поэтому здесь мы рассматриваем поэтику образа человека молвы на материале романа Алена-Фурнье «Большой Мольн», исходя из близости «реализма в высшем смысле» [4, с. 65]. Достоевского и «духовного реализма» Алена-Фурнье, отображающего «духовную реальность» [12, с. 21].

В. П. Владимирцев пишет о роли молвы в построении образа как одной из существенных особенностей поэтики Достоевского: «В его текстах феноменально “умышленно” высокая частотность вводного слова “говорят” (подсудность факта молве), а также употребление родственных ему: “поговаривают”, “весь город заговорил”, “рассказывают”, “ходят такие рассказы”, “вспоминают”, “слышно”, “ходили сплетни”, “уверяли”, “сообщали о слухах»» [2, с. 125]. Развивая эти наблюдения В. П. Владимирцева, В. В. Иванов приходит к выводу, что «у Достоевского молва становится почвой (потенцией) полифонии» [10, с. 137]. В. В. Иванов приводит несколько примеров, когда функцией молвы в поэтике Достоевского становится формирование образа героя. Во-первых, это образ Прохарчина (рассказ «Господин Прохарчин»), который в значительной степени выстраивается за счёт поэтики молвы: «Молва связана с древними мифологическими и фольклорными символами <...> С ними сопрягаются мотивы ряжения» [Там же, с. 139]. Во-вторых, это образ господина Голядкина-младшего (повесть «Двойник»): «В этом произведении можно видеть, как молва становится поэтическим приёмом и буквально выстраивает художественный образ» [Там же]. В-третьих, возможен вариант, когда при помощи молвы

осуществляется как бы предварительное знакомство других героев или рассказчика с героем – объектом молвы. При этом образ, созданный молвой, может не противоречить восприятию героя – объекта молвы рассказчиком и читателем. Например, Фома Опискин («Село Степанчиково и его обитатели») «в огромной степени является существом, созданным молвой, и читатель много странного узнаёт о нём ещё до появления этого персонажа “на сцене”» [Там же, с. 142]. В. В. Иванов выявляет у Достоевского несколько типов персонажей в соответствии с их функциями в отношении молвы – это «собиратели и носители молвы», а также «регистраторы молвы». Эти персонажи создают, развивают и регистрируют молву. По В. В. Иванову, собирателями и носителями молвы у Достоевского, как правило, являются люди простонародья или близкие им по мироощущению. Регистратором молвы чаще всего оказывается повествователь, рассказчик: «*Регистраторы молвы* [курсив В. В. Иванова. – М. Д.]: прежде всего, это фигура повествователя, своеобразного “летописца” и “протоколиста” окружающей его жизни местного значения» [Там же, с. 143].

Но молва может давать образ героя – объекта молвы и в совершенно искажённом виде. В. В. Иванов приводит несколько примеров ложных слухов о князе Мышкине, Рогожине и Настасье Филипповне. В случае с Настасьей Филипповной В. В. Иванов указывает на интересное и важное для нас явление: сам объект молвы может стать источником молвы о себе, причём искажённого её варианта: «Молва о Настасье Филипповне – прежде всего из уст окружающих её в Петербурге людей, а затем, в искажённом виде, от самой Барашковой <...> Этот, надуманный, вариант молвы Мышкин не принимает <...> Сказывается роль князя как юродивого Христа-ради, обладающего функцией “повелителя молвы”» [9, с. 142]. «“Повелителем молвы” у Достоевского может быть только юродивый герой, способный *изменить её ход* [курсив В. В. Иванова. – М. Д.], очистив от ложной видимости, показав её истинное содержание» [10, с. 144].

Известно, что одним из самых любимых литературных героев Алена-Фурнье был князь Мышкин. Его оценка Мышкина во многом перекликается с той, которую даёт В. В. Иванов. В оценках французского писателя подчёркивается способность князя ощущать человеческую душу, видеть в ней лишь истинную суть, избегая фальшивого и наносного. В письме к сестре Изабель Ривьер от 03.03.1909 Алена-Фурнье пишет: «Идиот утратил способность судить <...> а со своей стороны, я нахожу в этой книге самое глубокое чувство и самую тонкую наблюдательность, и новое ощущение, которое я назвал бы душевным тактом. Это восприятие души, неожиданное, иногда пугающее, а также эта бесконечная деликатность в прикосновении к душе заставляет плакать кровавыми слезами. Именно благодаря этому качеству Мышкин способен не всё объяснить, поскольку он ничего не объясняет, но способен сделать всё понятным благодаря одному своему присутствию» [13, с. 165]. В «Большом Мольне» нет героя, вполне подобного Мышкину. Однако, по мнению Изабель Ривьер, сестры писателя, качествами Мышкина во многом обладал сам Алена-Фурнье: «Эта бесконечная деликатность в прикосновении к душе <...> этот дар объяснять всё одним своим присутствием – не видим ли мы здесь портрет самого Анри?» [Там же, с. 166]. Ниже мы подробнее скажем о сходстве типа отношений Мышкина и Настасьи Филипповны с отношениями Алена-Фурнье и прототипом Валентины Блондо – Жанны. Мы предлагаем назвать Валентину Блондо «человеком молвы», подобно тому как человеком молвы у Достоевского является князь Мышкин и Барашкова.

М. М. Бахтин указывал, что «единая истина требует множественности сознаний, что она принципиально неместима в пределы одного сознания, что она,

так сказать, по природе событийна и рождается в точке соприкосновения разных сознаний» [1, с. 135]. Возникновению точки соприкосновения различных сознаний в поэтике Достоевского способствует людская молва, сосредоточенная на одном персонаже, находящемся в силу различных причин как бы в фокусе общественного внимания. В романе Алена-Фурнье «Большой Мольн» невеста Франца де Гале Валентина Блондо не является на объявленную помолвку. Её образ формируется под влиянием тех разговоров, которые ведут о ней гости праздника в замке Саблоньер в ожидании её появления. Слухи о ней и есть та молва, которая способствует возникновению точки соприкосновения разных сознаний, как это происходит в романах Достоевского. Другими словами, молва способствует возникновению скандального схода персонажей – конклава, по Л. П. Гроссману [3, с. 344–345]. Сюжетно-композиционный приём конклав, закономерный для поэтики полифонического романа Достоевского, с той же закономерностью возникает на страницах «Большого Мольна». А его возникновение неразрывно связано с молвой.

Сложность образа Валентины объясняется также тем, что он имеет нечто общее с некоторыми героями в произведениях Достоевского. Например, он отчасти соответствует понятию «теневого персонаж» произведений Достоевского: «“Теневыми персонажами” могут быть названы и те второстепенные персонажи, которые заявлены двумя-тремя словами, несколькими фразами, но роль их в развитии действия, в раскрытии образа главного героя и романной идеи велика» [10, с. 418]. Но в образе человека молвы Алена-Фурнье развивает поэтику «теневого персонажа» Достоевского, поскольку, незримая почти на всем протяжении романного повествования, она практически всё время присутствует среди других персонажей, и её присутствие обеспечивается различными формами молвы. Впервые, по сравнению с полифоническим романом Достоевского, у Алена-Фурнье «теневого персонаж» становится одним из главных героев романа.

На протяжении развития действия о ней упоминается довольно часто, хотя всегда кратко, несколькими словами. Первое упоминание таинственной невесты Франца де Гале, которую никто из гостей не видел, звучит в сцене праздника в замке Саблоньер, организованного по случаю помолвки, в конечном итоге так и не состоявшейся. Сначала о невесте говорят дети, приглашённые на праздник. Они никогда не видели её, но одному ребёнку «Мама сказала, что у неё чёрное платье с воротничком и что она похожа на хорошенького Пьеро» [11, с. 79]. Огюстен Мольн, главный герой, узнаёт некоторые подробности о невесте из разговора с пожилыми крестьянами, приглашёнными на праздничный ужин. В частности, оказывается, что и сам жених знает свою избранницу не так давно: «Никто, кроме Франца, не видел её. Он сам встретил её как-то вечером, возвращаясь из Тулона, в одном из садов Буржа, который называли *Марэ*. Её отец, ткач, выгнал её из дома. Она очень хороша собой и он немедленно решил на ней жениться. Это была странная история» [Там же, с. 82]. Таким образом, у читателя может создаться впечатление, что молва в лице гостей из простонародья и детей на празднике даёт Валентине предварительную характеристику. Крестьяне, приглашённые на праздник, выполняют, по В. В. Иванову, функцию носителей или собирателей молвы. Своим появлением Валентине предстоит подкрепить молву о себе либо опровергнуть её, как это происходит в романах Достоевского. Но невеста так и не явилась на помолвку. В. В. Иванов обоснованно считает, что отказ Настасьи Филипповны в сватовстве Мышкину во время праздника её именин является отказом от помолвки. Помолвка есть акт, предваряющий свадьбу, а функция помолвки – укрепление доброй молвы прежде всего о невесте.

Поэтому отказ от помолвки есть отказ от доброй молвы, который закрепляется Настасьей Филипповной её согласием уехать с появившимся вдруг на её именинах купеческим сыном Рогожиным. Не явившись на помолвку, Валентина Блондо, как и Настасья Филипповна, отказывается от доброй молвы о самой себе, тем самым подтверждая ходящие о ней слухи.

Брошенный жених Франц де Гале пытается объяснить её отказ от брака случайно встреченному человеку, Огюстену Мольну: «Моя невеста не придет. Из шепетильности, из страха, из-за недостатка доверия...» [Там же, с. 96]. В письме, которое должно было стать предсмертным, де Гале более чётко обрисовывает позицию Валентины. Из него мы узнаём, что девушка даже не поговорила с женихом, а просто исчезла: «Моя невеста исчезла, велел мне сказать, что она не может быть моей женой; что она швея, а не принцесса» [Там же, с. 99]. Образ Валентины всё более окутывается молвой: она просит на словах передать жениху такие значимые вещи, как отказ от помолвки, исчезает без предупреждения. Отметим также, что имя невесты остаётся неизвестным главному герою. Возможно, его не знали и гости.

Поступок Валентины приводит Франца де Гале к попытке самоубийства и бегству из дома. Семья де Гале рушится на глазах. Роскошный праздник, устроенный по случаю помолвки, довершает её разорение, умирает мать Франца, а его отец и сестра оказываются в бедственном положении. Франц, порвав с семьёй и прошлым, числясь без вести пропавшим, начинает новую жизнь в качестве бродячего циркача. Валентина исчезает из повествования. Однако в письме Огюстена Мольна из Парижа своему другу Франсуа упоминается о некоей девушке, ежевечерне приходившей посидеть на скамье у парижского особняка де Гале: «Она одета в чёрное, с маленьким белым воротничком. Когда я уходил, она ещё была там, неподвижная, несмотря на вечерний холод, она ждала, не знаю, кого или чего» [Там же, с. 162]. Мольн даже не предполагает, что перед ним – исчезнувшая невеста де Гале, хотя и её характерная манера одеваться, уже упоминаемая в «молве», и сам факт появления печальной девушки, кого-то ждущей у дома де Гале, могли бы вызвать предположения Мольна о том, кого он видит перед собой.

В следующем письме Мольн рассказывает о своём разговоре с незнакомкой, имя которой он так и не спросил. В этом разговоре девушка сообщает ему, что сестра Франца де Гале, которую Мольн разыскивает в Париже, вышла замуж, и тем самым она разрушает надежды молодого человека на счастье с Ивонной де Гале. По сути, девушка выступает в этот момент в роли ретранслятора молвы, но Мольн не критично относится к ничем не подтверждённой информации о замужестве любимой девушки, сообщённой ему случайной встречной. Новость, воспринятая Мольном всерьёз, влечёт за собой новые проблемы в судьбе главного героя.

Таким образом, Валентина Блондо появляется в произведении опосредованно, о ней говорится в письме одного главного героя другому. В.В. Иванов указывает на взаимодействие молвы и эпистолярного жанра в поэтике Достоевского: «Уже в первом романе можно наблюдать воздействие молвы на сам эпистолярный стиль посланий Макара Девушкина» [10, с. 137]. При этом только читатель романа уверенно догадывается, кем является девушка в чёрном из писем Мольна. Возможно, некоторых читателей удивляет «слепота» самих героев. Почему Огюстен Мольн либо его друг Франсуа не сделали даже предположения о том, кого Мольн встретил в Париже? Возможно, что это произошло по той же причине, по какой Мольн не узнал Франца де Гале в молодом Цыгане. После отказа Валентины от брака с Францем молодые люди утрачивают свой социальный статус. Валентина, бедная швея, кото-

рую отец-ткач выгнал из дома, имеет возможность повысить статус за счёт брака с наследником старинного аристократического рода. Отказавшись от помолвки, она утрачивает все шансы на достойное место в обществе и исчезает. Франц отказывается от места, которое он занимает в обществе по праву рождения: «Я всё бросил. У меня больше нет ни отца, ни матери, ни сестры, ни дома, ни любви...» [11, с. 128]. Оба эти героя как бы умирают для общества, что соответствует концепции смерти в поэтике Достоевского: «Метафорой смерти становятся у Достоевского и различные формы “исключённости” или “пограничности” бытия его героев. Иерархически не закреплены “исключённые” чиновники, бросившие курс студенты, отставные офицеры типа капитана Лебядкина <...> Конфликт с земной иерархией, даже воображаемый, эти персонажи воспринимают как социальную смерть» [8, с. 160–161]. Валентина и Франц, временно исчезнувшие из жизни людей их круга, становятся неузнаваемыми для обычных людей, поскольку не принадлежат к их миру. Временным исчезновением Валентины из социума можно объяснить и тот факт, что «молва» о девушке постепенно затихает вскоре после её бегства. Зачастую молва о людях, ушедших из мира живых, затихает.

Лишь спустя почти два года после несостоявшейся помолвки друг Мольна Франсуа Сёрель случайно узнаёт, куда исчезла невеста Франца де Гале. Но узнаёт об этом не от самой девушки, а вновь из чужих уст. Его тётя, мадам Муанель, рассказывает племяннику о сбежавшей невесте, прожившей у неё в доме всю зиму. Муанель с мужем, возвращаясь с праздника по случаю помолвки в замке Саблоньер, подбирают на пустынной дороге девушку, переодетую в мужской костюм, которая оказывается Валентиной Блондо. Экзальтированная мадам Муанель, которую родные считают “*folle*”, «сумасшедшей», воспринимает появление переодетой Валентины на рассвете накануне праздника Рождества в духе народно-религиозных представлений: «Что же я вдруг вижу перед нами на дороге? Маленький человек, неподвижно стоящий человек, прекрасный как день, который смотрел, не шевелясь, как мы приближаемся. По мере того, как мы подъезжали, мы различили прекрасное лицо, такое белое, такое красивое, что становилось страшно! Я взяла Муанеля за руку; я дрожала как лист; я думала, что это Сам Господь! Я сказала ему: “Смотри! Это явление Христа!”» [11, с. 189]. Выше уже упоминалось о связи молвы в поэтике Достоевского с мотивом ряжения, а также с фольклорными и мифологическими мотивами. Ту же связь уже во французском романе мы наблюдаем у Алена-Фурнье на материале образа тетушки Муанель.

В рассказе тетушки Муанель, приютившей Валентину, образ сбежавшей невесты предстаёт с совершенно иной, благоприятной стороны. Она скромна, трудолюбива и продолжает любить своего покинутого жениха. Муанель пытается объяснить сумасбродный поступок девушки, сочувствуя ей: «Эта бедная сумасбродка вбила себе в голову тысячу глупостей, которые она нам объяснила. <...> Она была уверена, что такое счастье невозможно для неё; что юноша слишком молод для неё; что все чудеса, которые он обещал ей, существовали только в воображении» [Там же, с. 190]. Но именно мадам Муанель сообщает Валентине выдуманный ею самой слух о замужестве Ивонны, для того чтобы Валентина более не терзала себя воспоминаниями о молодом поколении семьи де Гале, навсегда покинувшем родное поместье. Тем самым в романе Алена-Фурнье тетушка Муанель выполняет функцию повелителя молвы. Она не только сама создаёт её, но и оказывает влияние на изменение её хода. В поэтике Достоевского, по Иванову, повелителями молвы часто становятся юродивые герои. Вопрос о юродских чертах в образе Муанель сложен, и он рассмотрен нами ранее в отдельной статье [7, с. 37].

В заключительной части романа мы видим развёрнутую характеристику образа Валентины через впечатления Огюстена Мольна, описанные им в дневнике, случайно найденном Франсуа Сёрелем. Вновь образ Валентины Блондо выстраивается при помощи средств «чужого слова», данного через форму эпистолярного жанра. Из дневника Мольна Сёрелю, а за ним и читателю становится известным, что Мольн, познакомившись в Париже с Валентиной, не догадывается, кто эта девушка. Валентина становится его невестой. Лишь незадолго до свадьбы она отдаёт ему письма своего бывшего жениха, и Мольн узнаёт почерк Франца де Гале. Немедленно следует разрыв между Мольном и Валентиной, и Валентина исчезает. В дневнике Мольн многократно упоминает о том, что он «каждое мгновение ловит её на том, что она хочет показаться хуже, чем она есть» [11, с. 257]. И далее: «Ни в коем случае не доверяйте мне, – говорит она, – я делаю только глупости» [Там же]. Дневниковые записи Мольна сообщают нам дополнительный материал, усиливающий сходство многих черт этого персонажа с Настасьей Филипповной [Там же, с. 38].

Возвращаясь к теме биографической основы образа Валентины Блондо, скажем несколько слов о её прототипе. Им стала Жанна, парижская модистка, с которой Ален-Фурнье познакомился в 1910 году. Взаимоотношения писателя с Жанной легли в основу сюжетной линии знакомства Мольна и Валентины. Изабель Ривьер пишет, что, утратив надежду на счастье с девушкой, которую он любил, поскольку та вышла замуж, автор «Большого Мольна» попытался найти ей замену в лице Жанны. Точно так же и Огюстен Мольн, думая, что его возлюбленная вышла замуж, пытался забыть её, женившись на другой: «И если Анри приписывает эту ошибку своему герою, это означает, что он сам допустил и признал эту ошибку» [13, с. 118]. Друг Жанны покончил с собой из-за неё, так же как пытался покончить с собой Франц де Гале из-за Валентины. Письма этого самоубийцы Жанна отдаёт Алену-Фурнье, чтобы убедить его в своей испорченности – так же, как Валентина отдаёт Мольну письма де Гале: «Увы, вновь и вновь, поскольку она боится слишком большой любви Анри, она отступает перед чем-то слишком прекрасным, что даётся ей и что пробуждает в ней лишь ощущение своей недостойности» [Там же, с. 131].

В финале романа мы узнаём, что Огюстен Мольн после долгих поисков нашёл Валентину и Франца и что влюблённые воссоединились. Мольн говорит об этом Франсуа Сёрелю, и тот отправляется в дом Франца, чтобы навестить молодую пару. Но очной встречи читателя с Валентиной в романе так и не происходит. Вместо этого читатель глазами Франсуа видит издали на крыльце дома «молодую хозяйку в платье с воротничком, которая подметала порог своего дома» [11, с. 273]. При этом Валентина продолжает оставаться объектом молвы, но молвы, как бы отнесённой в будущее. Подметая порог, она была «предметом любопытства и интереса множества нарядных молодых пастухов, которые шли на мессу» [Там же]. Ясно, что местные жители во время церковной службы или после неё будут оживлённо обсуждать факт появления в их селении незнакомки. Отчасти черты человека молвы свойственны и образу главного героя романа Мольну, а также жениху Валентины Францу де Гале. Мольн, как и Франц, на время исчезает из поля зрения рассказчика и читателя, и все сведения о нём доходят до рассказчика и других персонажей романа через чужое слово, порождающее различные слухи, толки и разговоры.

Всё сказанное выше приводит нас к убеждению, что путём создания образа «человека молвы» Ален-Фурнье в романе «Большой Мольн» на собственном творческом опыте развивает приём молвы, характерный для поэтики произведений Достоевского. Формулируя признаки произведения духовного реализма, воспроиз-

водящего картину духовной реальности, Ален-Фурнье определяет его как «самое захватывающее, самое реалистичное и самое таинственное повествование о жизни» [12, с. 142]. Рассмотренный нами образ человека молвы в романе «Большой Мольт» способствует формированию всех упомянутых Аленом-Фурнье черт произведения духовного реализма.

Реалистичность «повествования о жизни» усиливается за счет возникновение полифонического диалога, в ходе которого характер человека молвы предстаёт всё более ясно и отчётливо – всё более реалистично. Вместе с тем таинственность человека молвы возникает и усиливается за счёт ходящих о нём слухов и разговоров, за счёт нахождения его на отдалённой дистанции от рассказчика и других персонажей. Таинственность порождает захватывающий интерес читателя, а всё вместе взятое работает на создание романа, который сам автор относил к разряду произведений духовного реализма. Полагаем, что такое произведение через внешние проявления героя, его речь и поступки наилучшим образом раскрывает перед читателем различные уровни глубины его духовной сущности, в которой скрыты сокровища человеческой души.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худож. лит., 1972. 468 с.
2. Владимирцев В. П. Фольклоризм // Достоевский: Эстетика и поэтика: словарь-справочник / науч. ред. Г. К. Щенников. Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та; Металл, 1997. 271 с.
3. Гроссман Л. П. Достоевский-художник // Гроссман Л. П. Творчество Достоевского. М.: Наука, 1959. С. 330–416.
4. Достоевский Ф. М. Из «Дневника» за январь 1881 г. // Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. Т. 27. Л.: Наука, 1984. С. 65.
5. Дубинская М. В. Детские сообщества у Ф. М. Достоевского и в романе Алена-Фурнье «Большой Мольт» // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2014. № 2 (55). С. 29–36.
6. Дубинская М. В. «Духовный календарь» романа Алена-Фурнье «Большой Мольт» и поэтика художественного времени Ф. М. Достоевского // Вестник Костромского государственного университета. Основной выпуск. Литературоведение. 2014. № 3. Т. 20. С. 159–163.
7. Дубинская М. В. «Нерушимые права маски»: Карнавализованный персонаж в романе Алена-Фурнье «Большой Мольт» // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология, искусствоведение. 2014. № 16 (345). Вып. 91. С. 36–40.
8. Иванов В. В. Скоморохи и юродивые как привратники смерти в космосе Достоевского // Скоморохи: Проблемы и перспективы изучения: сборник статей и рефератов Международного симпозиума. СПб.: Ин-т истории искусств РАН, 1994. С. 160–170.
9. Иванов В. В. Поэтика молвы у Достоевского // Материалы XVII Международных Старорусских Чтений 2002 г. «Достоевский и современность». Великий Новгород, 2003. С. 70–88.
10. Иванов В. В. Сакральный Достоевский. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2008. 518 с.
11. Alain-Fournier. Le Grand Meaulnes. Moscou: Edition du Progrès, 1971. 280 p.

12. Lhote A., Alain-Fournier, Rivière J. La peinture, le coeur et l'esprit. Correspondance inédite (1907–1924) / Texte établi et présenté par Alain Rivière, Jean-Georges Morgenthaler et Françoise Garcia. Bordeaux : Willam Blake and co., 1986. 234 p.
13. Rivière I. Vie et passion d'Alain-Fournier. Monaco : Jaspard, Pollus et C le, 1963. 532 p.

**THE IMAGE OF “THE CHARACTER OF THE RUMOUR”
IN THE POETICS OF THE NOVEL
“BIG MEAULNES” BY ALAIN-FOURNIER**

M. V. Doubinskaya

Petrozavodsk State University
Foreign Languages Institute
the Departement of German and French Languages

In this paper the poetics of “the character’s of the rumour” image in Alain-Fournier’s novel “Big Meaulnes” is examined in its connection with the poetics of the author’s method of representing the “spiritual reality”. The article also shows the links of the ‘the character’s of the rumour’ image poetics in Alain-Fournier’s novel, with the methods of Dostoevski’s poetics. The development of Dostoevski’s creative experience by Alain-Fournier is also examined.

Keywords: *the realism in the highest sense, the spiritual realism, the polyphonic origin of the rumour, the exciting interest, the mystery, the spiritual reality.*

Об авторе:

ДУБИНСКАЯ Маргарита Викторовна – старший преподаватель кафедры немецкого и французского языков Института иностранных языков Петрозаводского государственного университета (185035, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 17), e-mail: geolea@bk.r.

About the author:

DOUBINSKAYA Margarita Viktorovna – Senior Lecturer of the Department of German and French Languages, Foreign Languages Institute, Petrozavodsk State University (185910, Petrozavodsk, Pushkin str., 11), e-mail: geolea@bk.r.